

ЛУЧШИЕ

*Быль в трёх частях,
с длинным эпиграфом и коротким эпилогом*

Горные вершины
Спят во тьме ночной;
Тихие долины
Полны свежей мглой;
Не пылит дорога,
Не дрожат листы...
Подожди немного,
Отдохнёшь и ты.

*М. Ю. Лермонтов
(Из Гёте)*

1

— А отчини-ка нам, Мугинштейн, с божьей помощью кассу! — прервал затянувшееся молчание негромкий, проникновенный голос. И после короткой паузы задумчиво добавил: — Слышь, Гестапыч, тушёночки подгони, а?..

Хайнц Виккерт, носивший в этой тёплой компании почётное погоняло Гестапо, сделал ответное движение в сторону говорившего — но движение лишь глазами. Между тем казалось, что вся его внушительная затаенная в камуфляж для ночных операций фигура обратилась в слух, ожидая продолжения. Всей фигурой слушал Хайнц, кроме разве что ушей — немудрено, ибо по-русски он ни хрена не рубил. Любителя же тушёнки сей факт, похоже, нимало не волновал:

— Банку давай сюда, говорю! — Тот же голос, нарушивший на этот раз очарование невыразимо чёрной, пусть и зимней, но всё же южной ночи, усугублявшееся отблесками небольшого костерка — а небольшие костерки, будет вам известно, всегда что-нибудь да усугубляют — этот голос уже утратил свою проникновенность, обретя свойственные его хозяину временами тембры человека маловысокообразованного, но точно знающего свои сиюминутные пожелания.

Нетерпеливое движение в сторону «микрофонившего» тушёнку Гестапо обозначилось в складках такого же чёрного комбеза, мешковато сидевшего на сутуловатой, худощавой фигуре очкарика с интеллигентным — вопреки впечатлению от последнего высказывания — лицом. Конечно же, Рептилии, как звали здесь парня в очках, были ведомы линг-

вистические познания Гестапо, точнее, полное их отсутствие, да и сам он вполне мог озвучить своё пожелание на родном для Хайнца немецком, но...

...После сегодняшних полуторачасовых скачек по пересечённой местности наперегонки с парой вражьих миномётчиков, вообразивших себя крутыми снайперами, — скачек с двадцатью кило тротила за спиной и с единственной колотящейся в башке навязчивой мыслью: «Ну, п... ц!..»

...После вчерашних занятий и сорванного интернациональным матом голоса, коим он пытался перекрыть теперь уже непрерывную канонаду, прививая своим чучекам кое-какие понятия о непреходящих ценностях, то бишь о технике безопасности при работе с прыгающей противопехотной миной ОЗМ-72...

...После возвращения четвёртого дня из коротенького рейда, растянувшегося на полторы недели, — трижды крутили мазурку с озверевшими от их хулиганств отборными зондеркомандами и потеряли почти полгруппы...

...После всего этого и многого другого насчёт цицеронить по-немецки ломало его конкретно. А тушёнки страсть как хотелось.

Гестапо же с невыносимой — прямо-таки гестаповской — неторопливостью протянул руку в костёр, где лежало пять (на одну больше, чем сидело у костра народу) разогревавшихся банок, не обращая внимания на жар, поднял одну из них за отогнутую крышку и протянул Рептилии заветный харч длиннущей лапищей, не утрудившись подняться в рост.

Рептилия, выпрямившийся, дабы взять из руки Гестапо вожденную тушёнку, оказался лишь чуток повыше ростом продолжавшего сидеть на корточках Хайнца. Здоров был Гестапо, вот что. А временами и весьма понятлив...

— Bitte! — хоть и немногословен.

— И тебе не болеть, — благостно ответствовал Рептил, заноса ложку над зажатой промеж колен жестянкой. Остальные фигуры в чёрных комбезах тоже зашевелились, добывая из огня разогревшийся фураж.

— Сколький ты тип, Рептилия! — традиционно высказался Руслан, сидевший рядом с Хайнцем, напротив очкарика, когда в костре осталась лишь одна банка. — Не мог сам до хавчика дотянуться? Умаял вон Хайнца! Гляди, обессилел совсем, тушёнку мечет из последних...

— А Рептилией за просто так не назовут, Русланчик. За ум мой недюжинный, за красу мою неземную, да ещё вот за скользкость, — столь же традиционно парировал Рептилия, пытливо вглядываясь в Гестапо, действительно редко, раза в три реже всех остальных машущего ложкой. — Ты мне лучше напомни, напарник мой разлюбезный: кто из наших вчера в наряд по кухне напросился?

«Чёрные комбезы», молотившие тушёнку, снова замерли, выжидая, — ведь смеяться с набитым ртом не только неудобно и некультурно, но и попросту опасно, поскольку при попадании в дыхательное горло куска варёной коровы абсолютно не имеет значения, сколь качественно ты стреляешь из винтовки, сколь ты грозен в рукопашной и вообще — сколь ты крут. А когда в голосе Рептилии появлялась такая вот лёгкая задумчивость, это почему-то почти всегда предвещало взрыв хохота.

Тем более если речь шла о Хайнце, единственным недостатком которого — не считая полного незнания русского языка (а скорее всего — непонятого, но оттого не менее категорического нежелания его знать, не исключая освоенный даже японцем из конкурирующей разведгруппы русский мат) — итак, вторым «единственным недостатком» которого была страсть к изыскам славянского самогоноварения.

На лице Хайнца, отличавшемся удивительно тонкими, аристократическими чертами, контрастировавшими с его «медвежьей» комплекцией, всякий раз после глотка местной дряни, именуемой почему-то «сливовицей» — хотя гнали её из всего, что в принципе могло забродить, но только не из слив, — на этом лице после каждого глотка появлялось выражение такого неземного блаженства (абсолютно непостижимого для окружающих его славян), что это никак не могло оставаться незамеченным.

Рептилия со свойственной ему любознательностью, пользуясь своим сносным владением немецким, пару раз пытался раскрутить Гестапо на задушевный разговор о вкусовых прелестях этой редкостной гадости, но ответ Хайнца всегда был столь же одинаков, сколь и краток: «*Nat mir gefallen...*», — «она мне понравилась». Плюнув на истоки столь пылкой любви, Рептилия с тех пор не упускал случая пройтись по теме «что русскому здорово — то немцу смерть, и наоборот...» Притом сам он пил мало, поскольку человеческие (то бишь славянские) дозы алкоголя его небольшой, хоть и двужильный, организм переносил с трудом. Так что сентенции Рептилы на сей счёт воспринимались с уже привычным энтузиазмом — ибо позволяли одновременно хохотать как над шутником, так и над его «клиентом».

А потому коллеги уже предвкушали хохму, зная, что бессменный «командующий по кухне», старый одноногий Петко, к своим невообразимым запасам «сливовицы» бегаёт куда как резво. Особенно ежели кирять предстоит с Хайнцем. По эту сторону Гестапо любили все, и Петко не был исключением.

Впрочем, на сей раз от души посмеяться не удалось... Практически одновременно с движением левой руки Рептилии, не то чтобы совсем уж неуловимо, но достаточно быстро снувшего в темноту висевший до того момента на левом бедре «вальтер», ещё пара стволов в руках Хайнца и Руслана усталились в том же направлении. Четвёртого присутствующего, поляка Зби, до этого момента молчаливо рубавшего тушёнку, — словно бы никогда тут и не было. Все, впрочем, знали: если в костерок шваркнет граната, а они почему-то не успеют — разобраться будет кому. А скорей всего, так и не придётся ей туда шваркнуть. Збигнев в темноте не хуже кошки видел, даже если только что на огонь смотрел, — особенность организма, что вы хотите.

— Обзовись в темпе! — озвучил Рептил проплывший над языками пламени большой знак вопроса.

Случись такое не в центре расположения бригады, и вопрос бы озвучили по-другому — впрочем, и звука-то почти бы не было: ПБСы в рейдах

навинчивали все. Да и костра бы не было. И тушёнку бы жрали в холодном виде и быстро. Если бы та была.

— Шеф! — немедленно отозвалась темнота, и из неё материализовалась ещё одна фигура в чёрном, причём в круге света в первую очередь показались пустые руки — без гранат, пистолетов и прочей неприятной атрибутики.

— Шеф, — подтвердил Рептил. И убрал «вальтер» обратно в кобуру. — Садись, Заран, тушёнка твоя почти сгорела.

— Шеф, точно, — раздался из-за спины вновь прибывшего голос с сильным акцентом. Зби, выскользнув из мрака, уселся на своё место и продолжил приём пищи.

— Послушай, сержант... — произнёс Заран, доставая банку из огня (акцент у него не был так заметен, как у поляка), — послушай, сержант, а что: шмальнул бы?

— А как же, господин поручик! — оживился Рептил. — Непременно шмальнул бы. Да и всякий бы шмальнул. Больно тихо ходишь, Шеф, а спецназ — он и у тех имеется... говорят.

— М-м... — неопределённо среагировал поручик, уже вовсю уплетая из банки. — А если бы я по-русски не рубил? Вот как Гестапыч, к примеру?

На этот раз уже Рептил неопределённо-философски пожал плечами: мол, значит, судьба такая. Между тем остальные, кроме продолжавшего неторопливо жевать Збигнева, отложили ложки и устали в костёр. В воздухе повисло ожидание. Минут через пять, когда со жратвой покончил и командир, ожидание быстро сгустилось — наподобие облака — и направилось к поручику.

— Ну, что, мужики... — промолвил тот, не глядя ни на кого, — сдаём Город.

Секундную паузу прервал Руслан.

— Твою ж мать... — сказал Руслан. Заглянул зачем-то ещё раз в заведомо пустую банку и аккуратно положил её в костёр. Руслан вообще был аккуратным парнем, что особенно остро ощущалось, когда кто-нибудь по недомыслию оказывался в перекрестье прицела его старого «ремингтона».

— Эвакуация начнётся утром; сперва на корабли погрузят штатских, к вечеру должны закончить, — продолжил поручик. — Затем — очередь «тигров». Мы выходим сегодня ночью, как и планировалось. Мероприятие на объекте — завтра вечером.

Рептилия поначалу ничего не произнёс, только сплюнул на злобно зашипевшие в ответ угли. Затем положил руку на плечо Гестапо, бесстрастно смотревшего в огонь. Ладонь Рептила явственно ощутила, как тот напрягся в ожидании перевода.

— Kein slivoviza heute, Mensch. Wir geben die Stadt ab, morgen ewakuieren, — перевёл Рептил Хайнцу. (Сегодня без сливовицы, старик. Мы сдаём Город, завтра эвакуируемся.)

Гестапо покачал головой, внимательно посмотрел на Рептила и вздохнул. Отчего — непонятно: то ли по поводу «сливовицы», то ли при мысли

об эвакуации. Вообще сложно было сказать, о чём думает этот человек... Впрочем, мысли твои здесь никого особо не волновали, лишь бы ты работал хорошо да другим проблем не создавал. А так — думай себе.

— Эвакуация, пся крев! — проснулся наконец Збигнев. — В домину с ботами такую эвакуацию.

— Эт точно! — имитируя интонации красноармейца Сухова, поддержал его Рептил. — Именно в гробу и именно в тапочках. Когда выходим-то, Заран?

— В три — инструктаж, в четыре — по коням, — коротко ответил поручик. И тут же добавил, не давая Рептилу снова открыть рот. — Я сказал: «в три» — и никаких «пряма щас». Всё равно ещё тротил получать, у орлов твоих подгонку проверять...

— Да чо его получать — вон у меня в палатке двадцать кило парится. Он хоть и учебный, а жахает совсем как настоящий. Зря я его, что ли, на своём горбу пёр? — всё-таки попробовал возражать Рептил. Однако под тяжёлым взглядом поручика, хмыкнув, пожал плечами и умолк, не став объяснять, что чучмеков своих он ради лишнего часа сна «пряма щас» в амуницию запакует, подгонку проверит да так спать и уложит.

— Вообще, Рептилия, говоришь много. Отдохни. Командиру солидность приличествует, — поддержал поручика Руслан, настроение которого после сообщения о сдаче Города резко испортилось.

— А я, Русланчик, здесь не командир. Я здесь, как и ты, замок, а командир у нас — вот он, — огрызнулся в ответ Рептил, показывая глазами на внимательно наблюдавшего за диалогом Зарана. — Кем мне тут командовать? Зби? Хайнцем? Они и без меня как-нибудь справятся. Это для чучмеков своих я командир, а тут... А то, что генералы решили сдать Город, за который мы три с лихуем месяца жопы рвём, — так я тут ни при чём, извини, напарник.

— Хватит! — устало махнул рукой поручик, поморщившийся, когда Рептилия назвал его рядовых соотечественников чучмеками. (Он всегда морщился, но не возражал — потому как правда.) — Скоро выходить, а вы тут корриду устраиваете. Руслан, твои все в форме?

— Всегда! — Руслан подтверждающе кивнул и мельком глянул на Рептилию, сдержав улыбку... Улыбка была бы здесь совершенно ни к чему.

Некомплект в огневой подгруппе, которой командовал Руслан, всегда был меньше, чем у диверсантов Рептилии. И не потому, что Рептил был плохим командиром или инструктором. Во время последнего мероприятия он потерял троих. Руслан, потери которого тоже были велики, уже успел набрать в подгруппу новых стрелков — стрелять-то здесь так или иначе умели теперь все. Рептилу же пришлось комплектоваться недообученными. Что здесь поделаешь, подрывное дело — наука сложная, а времени на обучение не хватает катастрофически.

— У тебя, Рептилия? — Заран выжидательно смотрел на очкарика.

Рептил немного помолчал, глядя в костёр, потом произнёс уже без прежнего задора:

— Двое в полном порядке. Трое не успели пройти курс безоболочечных фугасов. Да и с «лягушками» у них пока ещё так себе... Для них я тротил и волок. Думал, недельку погоняю. Так что будут пока на подхвате.

— Как остальные? — в голосе поручика послышался намёк на улыбку.

— Издеваешься, Шеф? Мы с Хайнцем — как обычно, в тонусе.

— Ладно. Времени ещё навалом... — подвёл итог поручик.

Руслан уловил мысль командира и дополнил её логичным выводом:

— ...а потому самое время давануть на массу.

— Пойду проверю чучмек, — ни к кому конкретно не обращаясь, произнёс Рептил и первым, потягиваясь, поднялся на ноги. Достал из «лифчика» взрывпакет и, подбрасывая его на ладони, исчез в темноте. Остальные расходиться не спешили: проверка боевого охранения была любимым развлечением Рептила — и иногда превращалась в бесплатный аттракцион для всех желающих. Спустя пару минут в сотне метров от костра жажнуло, послышалась негромкая возня, затем всё стихло. Ещё минуты через три на том же расстоянии, но существенно левее раздался громкий окрик — и снова тишина... Спустя некоторое время Рептил вновь нарисовался у начавшего затухать костерка, тихонько насвистывая себе под нос какую-то мелодию. Насвистывал он всегда что-нибудь из репертуара «битлов», поэтому его заблаговременно опознали, и за стволы никто хвататься не стал.

— Твои чучмеки так орут? — спросил Руслан.

— Ага, — беззаботно отвечив Рептил. — А твои спят. Но больше не будут... Радован и Микоев. Прочти им с утра лекцию о бдительности да об «Уставе караульной службы». Вместо физзарядки. Спарринга устраивать не надо, они уже своё получили. Но вот отжаться раз двадцать им не помешает. Для общего тонуса и укрепления памяти.

Руслан сокрушённо кивнул. А что тут скажешь, если твои подчинённые спят на посту.

— Schlafen, Mensch? Спать, старик? — хлопнув по плечу Хайнца, Рептил прикурил от вынутой из костра веточки и двинул к жилищу своей подгруппы.

Хайнц легко поднялся с места и направился вслед, совсем скрыв Рептила своей огромной фигурой от взглядов начавших расходиться коллег. Впрочем, никто на них и не смотрел. А чего глядеть-то?

2

Город держался немногим больше трёх месяцев. Совсем недолго, в общем-то. Скажем, Севастополь — что в XIX веке, что в XX столетии — супостат пытался взять гораздо дольше. Да мало ли примеров.

Правда, тогда у супостата не состояло на вооружении ни штурмовиков «Грач», ни танков Т-72, ни вертолётов огневой поддержки, ни боевых машин пехоты. Не было установок залпового огня «Ураган». О тривиаль-

ных автоматах Калашникова в те времена никто мечтать не смел... Много чего интересного тогда и в помине не было.

В общем, не стоит даже обсуждать этот вопрос. Во всяком случае, в присутствии парней из Пятой бригады полиции и из Второй армейской механизированной. А то и схлопотать можно, причём запросто. Потому как именно они — полторы тысячи «пум» и «тигров» — держали Город. Каждый по-своему: кто на что учился. Армейские «тигры» — в окопах и танках, полицейские «пумы» — те уж совсем по-разному.

Конечно, все предполагали, что когда-нибудь Город придётся отдать. И хотя даже думать об этом никому не хотелось, в штабах бригад имелись-таки соответствующие запечатанные конверты, где расписывался порядок сдачи Города. И схема действий на такой случай всем заинтересованным лицам, включая младший командный состав, была в общих чертах известна. Вначале водным путём эвакуируются гражданские. «Тигры» и «пумы» держат подступы. Затем на суда начинают грузиться «тигры» со всей своей бронетехникой — как наиболее боеспособные части, которые надо сохранить в первую очередь. Часть «пум» в это время работает, что называется, «за двоих», с минимумом артиллерии продолжая оборонять город. Четыре роты неполного состава со стрелковым (в основном) оружием против как минимум дивизии противника. Нет, особенности местности, позиционные преимущества «пум» — это, конечно, да. Но... пятьсот человек против пяти тысяч, а? И прожить-то в таком режиме надо всего сутки, а то и меньше, пока «тигры» грузятся. А там и уж они, «пумы», — последним транспортом да на Большую землю.

Вторая рота «пум» «эвакуировалась» по-своему. Поделённая на десять групп, она должна была выйти в тылы противника и вдоль всей линии фронта одновременно устроить массовое безобразие со стрельбой, взрывами и фейерверками, чтобы хоть немного облегчить задачу оставшимся в Городе коллегам. А затем прорываться к своим — кто как сумеет. Да там и топтать-то километров двести, не больше, если по прямой. Хотя кто ж в тылах по прямой-то ходит, странный вы человек? Такая вот «эвакуация, пся крев». Недаром Збигнев ругался.

Вторая рота Пятой бригады отличалась от остальных подразделений не только тем, что основной её «работой» были специальные операции в прифронтовой полосе и дальше, по ту сторону. И не только тем, что в свободное от рейдов время парни с красной полосой над нарукавным шевроном шастали парами по ближним предгорьям, выявляя и поздравляя с тем вражых снайперов. Не этим, по существу, отличалась вторая рота.

Попадались здесь порой странные типы: с мрачными лицами или, наоборот, с лицами откровенно глумливыми, в звании повыше рядового, но в большинстве своём на местном наречии, как говорится, ни бумбум. Значительная их часть владела, правда, другими языками славянской группы, чаще всего русским. А вот некоторые не владели. «Неместные», короче. Тамошние. Однако все как один — младший командный состав. Потому как военспецы. Наёмники, иным словом.

В разведывательно-диверсионной группе поручика Зарана Драшнева, или, как он сам её называл по старой привычке, «разведгруппе специального назначения», таковых «неместных» насчитывалось в аккурат четверо, чему сам поручик был весьма рад. Потому как в соседней группе было их всего двое, и один, ко всему прочему, японец.

Вот представьте себе: вы командир, и в подчинении у вас — японец. Хошь по-японски с ним объясняйся, хошь как. Ну, по-японски-то, конечно, в соседней РДГ никто не рубил, ясно. Долго их старшой подбирал себе второго военспеца, долго. Нашёл-таки: кого-то из братьев-славян, кто по-французски слегка шарил. И ничего: японец умелым воякой оказался — пять лет службы в Иностранном легионе даром не проходят. И сам работал прилично, и других учил — через переводчика, на пальцах и матом. А иногда, в особо запущенных случаях, и по-японски: «фудо-дачи» — «маваси-гери». То бишь «круговой удар ногой из боевой стойки». Так сказать, преодолел языковой барьер.

Поручику же Драшневу, как уже говорилось, повезло. Наверное, командование его любило: на войне везение порой сильно зависит от симпатий командования. Впрочем, командованию было за что любить поручика.

Командование — оно ж не безглазое, не только приказы диктовать, но и читать умеет... иногда. Достаточно было почитать бумаги из личного дела поручика, чтобы начать того уважать...

Учился в Союзе, в Рязанском воздушно-десантном. Закончил почти с отличием. Почти — потому как с политическими дисциплинами были у него какие-то там нелады. Да и аллах с ними, с политическими. Не в политике ж дело. Вернувшись домой, два года командовал взводом: сначала в десанте, потом перевели в спецназ. А как только заваруха началась, так тут же ему масса работы как раз по специальности образовалась. Только разгребай. Он и разгребал: то там чего, то здесь кого. Но справлялся. За что его командование, видимо, окончательно и возлюбило. Справлялся-справлялся — пока не попал на Город. Город небольшой, но важнецкий, потому как ключик к другому: крупному, портовому, одним словом — стратегическому.

Сам-один Драшнев и тут бы вполне справился. Да только вот немного таких, как он, здесь нашлось. На роту набралось, малыми группами командовать, а больше — нету. Сходил он как-то с местными «орлами» на прогулку по ближним тылам, так едва не поседел. Слава Богу, не потерял никого, но возвращались «орлы» обратно, говорят, на пинковой тяге, чуть оглохшие от его негромких высказываний на свой счёт. В общем, полная засада с кадрами. Но делать нечего — сам стал потихоньку учить. Хотя и хлопотно это: дисциплин много, народу тоже, а науки те по своему характеру тщательного подхода требуют.

И тут вдруг такая везуха — в сентябре, аккурат перед самой блокадой Города, о которой все уже давно поняли, что будет она непременно, стали прибывать эти вот «неместные». Кто откуда, кто как, но каждый в чём-нибудь эдаком да мастер: кто шамальнуть в кого подальше да поточнее, кто

взорвать чего поэлегантнее, кто сбить чего-нито из зенитки, кто на танке, как на Гран-при Монако, рассекает. Даже кинологу работа нашлась — тот себе сам её придумал: всех местных дворняг за месяц выдрессировал в доберманов, и патрули по Городу по-взрослому ходили, с псами злобными.

В общем-то, до зенитчиков и танкистов Зарану дела было мало — это к «тиграм», пожалуйста, в окопы. Особенно мало — до кинолога. Поручик, как и большинство спецназовцев, собак недолюбливал. А вот снайперы да диверсанты заинтересовали его весьма и весьма. Тут наконец любовь к нему командования достигла своего апофеоза. Выделили ему от щедрот аж четверых. И что главное — трое из них вполне коммуникабельные. Один только — некабельный, но эта проблема сама решилась, и на него кабель нашёлся.

Значит, вот четверо. По порядку надо...

Руслан. Москвич. Причём чеченец. Такой совсем обрусевший, довольно интеллигентный чеченец, мастер спорта по пулевой стрельбе, между прочим. Лет двадцати пяти — плюс-минус. Кличка к нему никакая не липла, так Русланом и остался. Хорошо стрелял, паразит! С тысячи валил из всего, к чему можно приделать оптику. А уж когда через неделю после их прибытия гонцы припёрли из Аргентины целый транспорт всяческой смертоносной всячины, и нашёл он среди прочего неизвестно как туда затесавшийся старый «ремингтон» калибра 308 с матчевым стволом — ой, держите меня семеро, вшестером не удержите. Эстетская винтовочка, кто в курсе — тот знает. И легла она ему, эта прелесть, прямо на душу. Такое ощущение временами складывалось, что просто-таки видит Руслан боковой ветер, глазами видит. Не мазал, короче.

Вот Зарану и готовый «зам по огневой» — сержант Ембаев собственной персоной.

Время между боевыми выходами у Русланчика поделилось на две примерно равные части. Половину этого времени он работал в патрулях по вражьи снайперам — их в какой-то момент шибко много вокруг Города развелось: местность-то окрест гористая, и появление на той стороне какого-нибудь сраного пулемёта калибром поболее с присобаченной к нему оптикой могло создать массу проблем почти в самом центре Города.

Снайперы, бя. Пулемётчики... А по Городу люди ходят, да! И не только в форме, между прочим.

Короче, через день, когда не бегал по тылам, проводил Руслан несколько часов на тех же самых облюбованных снайперами пригорочках в ожидании такого, скажем, сообщения по «уоки-токи» от многочисленных наблюдателей, кукующих денно и ночью на господствующих высотах: «Прицельный выстрел на три часа, дистанция полтора, роджер». Откуда отсчитывать «три часа» и откуда «полтора», это известно. Русланчик отсчитывал — и вперёд, с песней. После его песен обычно второго снайперского выстрела просто не бывало. Поскольку погибал тот снайпер. Лишь иногда — уходил, если успевал понять, что ловить ему тут нечего. Но... Это если везло тому снайперу по-крупному.

Руслан не один ходил: второй номер рядом всегда. Наблюдатель. А иногда так получалось, что и стрелок. Бывало.

Пары такие постоянно вокруг Города шастали, одни сменяли других, так что снайперская война у супостата провалилась полностью. Такие дела.

Ну так вот, Руслан. Когда не хулиганил вместе со всеми по тылам да не снимал зазевавшихся стрелков с окрестных гор, была у него ещё работа на всё оставшееся время. Доставлять радость поручику Драшневу. Нет, не поймите криво, с ориентацией у поручика было всё нормально. Радовался же Заран, глядя, как бойцы его, рядовые и необученные (каковых в группе у него теперь стало всего десять — вместо прежних четырнадцати), становятся потихоньку стараниями Руслана всё более и более обученными, хоть и не менее рядовыми. Он, Заран, и сам, конечно, с ними иногда занимался. Но как известно, у командира всегда найдутся более важные дела, чем материть закапывающего ствол в бруствер салагу или пялиться в бинокль на девственно чистые после длинной очереди от живота мишени, и уж тем более — объявлять выговор с занесением в грудную клетку за плохо вычищенное оружие. А «замку» по огневой — это вроде по должности. Руслан и не филонил: дрючил молодняк как положено. Молодняк мало-помалу учился стрелять и, что важнее, попадать.

На выходах Руслан тоже был вполне адекватен. Основы спецназовской тактики просёк в момент; командовал грамотно; бегать мог быстро, тихо и долго. Так что, в общем, самый цимес вышел у Зарана с командиром огневой подгруппы.

Теперь — Збигнев. Родом из Кракова. На вид лет тридцать ему было. Кажется, никто так до конца и не понял, чем именно занимался этот поджарый тридцатилетний мужик в прошлой жизни. Ясно было лишь, что к ремеслу «убивца» приступил он не вчера и даже не позавчера. По некоторым косвенным признакам — трудился он где-то в силовых структурах польской «беспеки», скорее всего, по направлению «антитеррор». Хотя кто его знает.

На второй день после прибытия, когда стали на месте выяснять, кто на что годится, он как-то туманно намекнул, чудовищно коверкая русские слова, что «немножко умеет драться». Заран и все присутствовавшие при этом командиры групп оживились — оттянуться врукопашную любили многие. Зби пожал плечами, вышел на утоптаный пятак и сделал всем приглашающий жест: мол, «извольте, панове». «Господа» не заставили себя упрашивать и стали выходить на площадку — по одному, окружая по периметру пятак расслабленно стоявшего в центре поляка, ожидая, когда же тот намекнёт, что с противниками, дескать, перебор. Зби молчал, и для начала решили ограничиться пятью партнёрами, тем более, что все вышедшие на махаловку офицеры были далеко не ангелами, а где-то в чём-то спецназовцами.

Махались недолго. Грамотно махались: с одновременными согласованными атаками, молча, без киношных красотей. Как положено махались... Через пару минут поднявшийся с земли и заметно прихрамывая,

последним покинувший импровизированный ринг офицер подвёл итог: «Машина смерти». И добавил, сокрушённо покачав головой: «А ведь он, сдаётся мне, вполсилы работал. Даже не сломал никому ничего». Больше подобных спаррингов со Збигневом не устраивали.

Определили Зби в подгруппу к Руслану. Уж Збигневу-то в тактику спецмероприятий вникать особо не пришлось: сам был «с усам». Хотя иногда выходили казусы — скажем, частенько вместо полной нейтрализации противника норовил Зби взять «клиента» живым, хотя в «терминаторских» рейдах такая необходимость возникала крайне редко. «Антитеррор», одним словом. Но подобные мелочи, в общем-то, не портили его репутацию, поскольку так или иначе, если Збигнев за кого-то брался, то вреда тот причинить уже точно никому не мог. А с ненужными «языками» никогда не поздно было разобраться радикально. Что и делали, как правило.

Находясь в расположении бригады, Зби помогал поручику во всяких мелочах, тренировал бойцов по рукопашке, учился сам: у Руслана перенимал навыки стрельбы, с Рептилией и Хайнцем овладевал абсолютно неизвестными ему до сих пор, как ни странно, азами сапёрного дела. Кроме того, ходил в патрули по городу, в меру трескал «сливовицу», в основном молча. Иногда ругался по-польски, но чаще — по-русски. Иногда исчезал на пару-тройку дней, разумеется, с санкции вышестоящего начальства. Где и чем в это время занимался — не ведал никто, включая Зарана. Наверное, чем-то важным.

Такая вот загадочная личность, при том что боец — отменный. Что ж, и на том спасибо. Но «Збышеком» капрала Валевского не называл никто.

Так, Рептилия. Вообще-то, было у него имя, но внешность этого юноши прямо-таки требовала кликухи. Нельзя такому без погоняла. Сперва, недолго думая, окрестили Очкариком. Не прижилось. Почему-то не получалось называть Очкариком индивидуума, бесшумно проходившего на учебных выходах сквозь все заслоны и обкладывавшего объект взрывчаткой по самое не хочу. Но очки-то никуда не денешь, как слова из песни. Тогда попробовали звать Змейй Очковой. Длинно. Долго выговаривать. Снова не то...

Все решилось, когда вместе с грузом оружия из Аргентины пришло несколько аквалангов. Командира бригады, осматривавшего арсенал, сии диковины весьма заинтересовали. Тем более что Город стоял на берегу тёплого моря и как плацдарм для амфибийных операций использоваться мог вполне. Худощавый очкарик попросил разрешения провести соответствующую учёбу: дно посмотреть, водичку пощупать. Разрешили. Тот упаковался в гидрокостюм, запихнул в водонепроницаемый ранец несколько имитаторов, уточнил контрольные точки и, махнув напоследок ластами, спиной вперёд булькнул за борт мотобота. Остальные, вернувшись на берег, стали ждать.

Часов через пять он объявился в последней точке, где полковник с несколькими заграничными военспецами уже окончательно потеряли

терпение. Хотя время ещё было. Акваланга на очкарике не наблюдалось, ластов — тоже, гидрокомбез куда-то исчез. Очки были на месте.

Полковник, не получивший сообщений о прохождении ни с одной точки, где должен был появиться боец, что-то заорал, стуча кулаком по столу. Очкарик же, отдав честь, молча стоял навтыжку, уставясь в глаза полковнику. Лишь раз он позволил себе чуть приподнять левую руку и скосить взгляд на циферблат часов. Когда полковник стал яростно высказываться насчёт утраты казённого имущества, до палатки донеслись звуки нескольких отдалённых, следовавших плотно один за другим, приглушённых взрывов. Все, включая резко замолчавшего полковника, повернули головы на шум, тревожно вслушиваясь. Взрывы прекратились, однако ровно через пять секунд оглушительно жажнуло совсем рядом, метрах в двадцати. Несколько бойцов инстинктивно легли, брезент палатки качнулся от несильной ударной волны...

В ту же секунду раздался писк «уоки-токи»; полковник, оставшийся на ногах, нажал тангенту приёма, и вся палатка услышала накладывавшиеся друг на друга голоса наблюдателей, выкрикивавших примерно одно и то же: «Взрыв неизвестного устройства в расположении поста. Жертв нет». Очкарик продолжал стоять как стоял, но извечная его сутулость куда-то подевалась...

По дороге к указанному очкариком месту, где тот сховал всю ставшую ненужной на суше подводную амуницию, начитанный Руслан тихонько процитировал:

— Откуда ты, прелестное дитя?

— Спецкурс «Тритон», — коротко ответило «дитя».

— А-а... — протянул Руслан. И немного подумав, резюмировал: — Рептилия, значит.

«Рептилией» и остался, хотя амфибийные операции так и забылись на стадии задумок. А вот навыки работы со взрывчаткой, приобретённые Рептилией где-то во глубине сибирских руд, пришлось весьма ко двору. И стал сержант Рептилия вторым «замком» поручика Драшнева, командиром подгруппы подрывников. А по совместительству — инструктором роты по диверсионной подготовке.

Несмотря на молодость, командовал он довольно резво, даже, пожалуй, чересчур жестковато. Порой казалось, что к «чучмекам» (как он сразу окрестил своих подчинённых-новобранцев) Рептилия испытывает чувства сродни ненависти. И быть может, в чём-то это соответствовало действительности... Ну не понять ему было, как те могут столь пренебрежительно относиться к такому требующему глубочайшего уважения предмету, как взрывное устройство. Ему, человеку по натуре мягкому, пару раз пришлось устроить показательные расправы, и нерадивый «чучмек» обливался потом, ожидая, когда рванёт у него в руках неизвестная штукавина, наскоро смастеренная инструктором, об устройстве которой боец не имел ни малейшего понятия. Штуковины эти в итоге не взрывались, но седых волос «держателям» добавляли. Приходилось и орать на подчинённых, чего Рептилия

вообще терпеть не мог. Вот только по морде он никого не бил, хотя имел на то полное право. Может, и зря не бил. Но — не бил.

Странным казалось, что такой человек оказался на войне. Странно было и то, что вписался Рептил в группу сразу и прочно. Несмотря на все шутки, которые регулярно отпускались по поводу его внешности и возраста, а также быстрого захмеления в тех редких случаях, когда он прикладывался к «сливовице», — а он и не обижался, поскольку сам был записным юмористом, — Рептилию по-своему любили. Об уважении говорить даже не стоит, поскольку в спецназе человек, которого не уважают, не продержится и дня — загнобят. Ну а первый же боевой выход Рептила окончательно расставил всё по своим местам: сам нормально работает, «чучмеки» его явно подтянулись — прижился.

И вот, значит, Гестапо. Тот самый «некабельный» немец, с которым из спецов мог нормально общаться только Рептил. Несмотря на то, что многие местные, на удивление, знали немецкий довольно прилично. Заран вот не знал, а из рядовых половина — будьте-нате.

Самая, наверное, странная фигура из всех, о ком идёт речь. Даже с Рептилом, который по-немецки говорил практически свободно, он в общении ограничивался лишь короткими фразами по существу дела. Никто так и не узнал, в каком городе Хайнц родился, сколько ему лет, чем он жил до этой войны. Никто и ничего. Единственное, что о нём стало известно сразу и впоследствии подтвердилось неоднократно: подрывник он классный. Это оказалось весьма кстати. Рептил мог с закрытыми глазами работать с любым устройством, порождённым Варшавским договором, а про западные образцы в основном лишь читал. Хайнц же — наоборот. А здесь попадались штучки и оттуда и отсюда. Очень удобное взаимодополнение получилось у сержанта Рептилии с капралом Гестапо.

И вот ещё что. Все как-то сразу просекли, что есть у Хайнца одна черта, которую понимающие люди ценят особенно, поскольку встречается она довольно-таки нечасто. В его присутствии — не важно где: в рейде, на учёбе или просто у костра — остальные ощущали себя, как... как в танке. Да, как в танке с закалённой толстенной бронёй. Надёжно. Вроде и не делает ничего такого, просто сидит или идёт рядом — а всё равно надёжно. Кто встречал таких людей, тот поймёт, ну а кому не повезло — тому и не втолкуешь внятно. Так вот.

Может, этим и объяснялась та самая непонятная общая любовь окружающих — от рядовых до командира роты — к Гестапо? Ведь молчал, молчал ведь, зараза! А поди ж ты... Рептил — так тот вообще с некоторого момента стал его тенью. Хотя, может, и наоборот. У них какие-то свои, отдельные отношения образовались, что окружающие, конечно, заметили, но понять не могли. Не факт, впрочем, что сами подрывники их суть просекали. Во всяком случае, не говорили о том ни разу. Впрочем, о разговорчивости Хайнца уже упоминалось.

Почему «Гестапо» — особая история. Сперва его все звали просто Хайнцем: имя короткое, звучное, удобное. Красивое имя, да? Не будешь же,

немчуру Медведем величать. Не соответствует как-то, хотя внешность подходящая. Так и звали — по имени. А во время рейда, второго, кажется, по счёту, приволокли Руслановы парни офицера, практически целого и совсем живого. Зби в том захвате тоже вроде поучаствовал? Да, точно, поучаствовал. Вышло так, что рейд был не только хулиганским, и разведывательные задачи перед группой тоже стояли. А потому «язык» пришёлся как нельзя кстати. Но офицер попался молодой, борзый и отважный. Хуже нет таких допрашивать.

Ну, Зби плакать по этому поводу не стал, спросил только: кто, мол, ему поможет разговорить «клиента»? Рептил по привычке автоматически перевёл для Хайнца. И тот неожиданно, не говоря ни слова по своему обыкновению, поднялся, вытащил из ранца какую-то верёвочку и пошёл в глубь леса, глядя себе под ноги да изредка нагибаясь за приглянувшейся ему веткой. Зби с командиром направились вслед, волоча офицера. Больше не вызвался никто.

Не было их минут двадцать. Вернулись втроём. Командир, согласно установленным правилам, отозвал Руслана, своего первого «замка», в сторону и кратко изложил тому всё, что рассказал офицер, — на случай его, командира, гибели. А рассказал тот, как выяснилось, много. Всё рассказал. Пока они там обсуждали, Хайнц вернулся на своё место, а Збигнев долго смотрел на него каким-то очень странным взглядом, после чего промолвил со свойственным ему лаконизмом: «Гестапо»... Ещё один говорун, да.

Хайнц, кстати, неделю после того рейда ходил как в воду опущенный. И все вокруг гадали: с чего бы это? А он не кололся. Как всегда.

3

— Хайнц, Donnerwetter твою мать, какого ж хрена?.. Ну какого же хрена ты полез к этой цистерне?!..

Рептилия бежал рядом с импровизированными носилками, которые несли четверо его диверсантов, и тихо ругался, держа правую ладонь на коротко стриженных волосах Хайнца. Автомат, болтавшийся на плече, молотил по левому бедру, временами ударяясь с едва слышным звоном о рукоять «Вальтера».

— Какого ж ляда ты работал эту херову ёмкость, не проверив, а? Какой мудака учил тебя минировать пустые цистерны, а? — Рептил глядел в лицо Гестапо, покрытое проступившей через камуфляжный грим и копоть испариной, стараясь не смотреть на кровавый ливер в развороченном животе, прикрытом тонким медицинским полиэтиленом.

Хайнц открыл затуманенные болью глаза и едва слышно промолвил:

— Zu wenige Zeit hatte... Entschuldig, mein Freund... (Слишком мало было времени. Извини, дружище.)

— Да, да, мало времени, я знаю, Хайнц, — бормотал Рептил, не задумываясь о том, что понять его слов Гестапо не мог, — мало времени... Шеф, время!

За тихим окриком Рептила, уже достававшего из кармана «разгрузки» тубу с обезболивающим, последовал повелительный жест ладони командира, двигавшегося чуть впереди, — и группа прекратила бег. Бережно опустив носилки с Хайнцем на землю, четверо «санитаров» обессиленно привалились к деревьям... Они бежали так уже два часа, а весу в немце было поболее центнера. Плюс своё оружие. Но на предложение «огневиков» сменить их парни ответили категорическим отказом.

...Рептилия тем временем вколол последнюю оставшуюся у него тубу промедола в оголённую левую руку Хайнца и замер, снова вглядываясь в лицо раненого. Группа расположилась кругом: бойцы присели у редких деревьев, выставив во все стороны стволы автоматов; в центре остался лежавший поверх плащ-палатки на тающем снегу Хайнц, рядом присел на корточки Рептил, к ним подошли Шеф с Русланом. Минуту стояли молча, вместе с Рептилом глядя на Гестапо.

Збигнев, направившийся после короткой передышки туда, откуда они только что пришли, задержался на секунду возле товарищей. С немым вопросом глянул на командира. Тот мрачно пожал плечами. И Збигнев скрылся в редколесье.

— Что там у вас случилось, сержант?

— Вон что случилось, — неконкретно ответил Рептил, кивнув на снова впавшего в забытье Хайнца. Опомился, перевёл дух и начал излагать рассказанное ему двумя рядовыми, что приволокли Гестапыча к точке сбора. Сам он работал на том же объекте, только с другой стороны, на складе вооружений...

Выходило, по всему, так. Хайнц вместе с этой парой проник внутрь охраняемого периметра и, краем глаза контролируя работу своих менее опытных коллег, занялся резервуарами с топливом, обкладывая их тротилом по всем правилам, маскируя взрывчатку и заряжая её химическими взрывателями. Времени оставалось в обрез, поскольку ампулы были раздавлены на всех детонаторах одновременно — чтобы «подарки» проснулись разом. Когда всё было сделано и приступили к отходу, Гестапо вдруг заметил ещё одну ёмкость, которую не «оформили». Будучи мужиком дотошным — немец всё-таки, — он прикинул время, оставшееся до взрыва, и в общем справедливо решил, что вполне успеет закончить работу. Дал понять своим, что чуть позже догонит их, — и вернулся.

Он бы действительно успел, если бы... Если бы та цистерна была полной. Но на беду, горючки в ней плескалось на самом доньшке, а остальной объём занимали пары бензина и воздух. Воздушно-топливная смесь. Надо сказать, что взрыв полной цистерны и взрыв цистерны пустой — это две большие разницы. В первом случае взрывается только то, на что рассчитывал подрывник, то бишь тротиловая шашка, причём практически

без осколков. Содержимое же бака — бензин, соляр или масло — пусть страшно и шумно, но лишь горит. А вот во втором... Во втором варианте вся цистерна превращается в огромное взрывное устройство, а из толстых стенок резервуара образуется множество смертоносных осколков. И лучше будет, если ты окажешься подальше от этого фейерверка.

Забыл Хайнц второпях стукнуть по ёмкости, чтобы по гулу определить заполнение, или демаскироваться не захотел — кто теперь скажет. В общем, он почти добежал до укрытия. Почти добежал. И, как делал это всегда, обернулся, дабы поглядеть на результат своей работы. Излётный осколок разворотил ему живот.

— Что теперь? — спросил командир, не глядя на заместителей, когда Рептил закончил.

Никто не ответил... Как будто он сам не знает — «что теперь»! Двести километров пути Хайнц не выдержит. С таким ранением — не выдержит. Промедол закончится через двое суток, и это если вколоть ему весь имеющийся в наличии запас. А ведь в группе ещё четырнадцать человек, и в пути всякое может случиться. Без промедола Хайнц будет кричать, потому что в живот — это очень больно. Даже если он не будет подавать голос, всё равно скорость движения группы снизится... Четырнадцать человек. И один тяжелораненый.

Рептилия тщетно пытался поймать взгляд Зарана. Оба они лучше других знали, «что теперь». Потому как подготовку получили фундаментальную — в кабинетах, где лекции читали умные полковники, защищавшие в своё время секретные диссертации по тактике спецопераций. Но ведь полковники те не были знакомы с Хайнцем. И в учебных рейдах по рязанским и сибирским лесам, отрабатывая такую вот учебную ситуацию, и инструкторы и курсанты знали, что «нетранспортабельный боец, сдерживающий продвижение группы» после применения к нему канонического способа решения проблемы назавтра снова окажется в той же аудитории, снова будет внимательно записывать лекции, прыгать с парашютом, или срываться в самоход по бабам...

— Понесли?.. — полувопросительно-полуутвердительно произнёс Рептил. И глаза их наконец встретились. Мгновение Заран смотрел на сержанта. Потом тряхнул головой:

— Понесли...

Командир развернулся в ту сторону, куда усвистал Зби, и приложил ладони ко рту, собираясь подать сигнал. Но не пришлось. Збигнев показался из-за деревьев на секунду раньше. Быстро шёл, почти бежал. Подойдя к поручику, снова мельком глянул на Гестапо, сказал:

— Стволов пятьдесят. В километре. Идут осторожно. По нас.

Заран скрипнул зубами. Оглянулся неожиданно беспомощно..

Рептилия сидел, не поднимая головы, держа руку на ёжике волос Гестапо, изредка слегка перебирая их тонкими пальцами. Спустя полми-

нуты, когда поручик открыл было рот, чтобы сказать то, что поняли наконец все, — сержант чужим, севшим голосом почти прошептал:

— Я догоню...

Не издав более ни звука, вся группа, уже стоявшая на ногах, быстро двинулась в прежнем направлении.

Рептил догнал их минут через десять. Молча взял у шедшего последним рядового свой изрядно полегчавший после мероприятия рюкзак. И вопреки правилам пошёл замыкающим.

На него никто не обернулся. А чего глядеть-то...

Эпилог

К своим они вышли почти через три недели. Спустя ещё два дня Рептилия ушёл с этой войны. Не из-за истории с Хайнцем, нет — за те несколько дней многое ещё случилось.

Но в последний вечер, сидя вместе с Зараном, Русланом, Збигневом и ещё шестью вернувшимися из рейда бойцами (которых ему почему-то больше не хотелось называть «чучмеками»), сидя за деревянным отполированным тысячами локтей столом, Рептил глядел в стакан, наполненный вместо осточертевшей «сливовицы» прозрачной, как слеза, шведской водкой и слушал тихий голос Гестапо... Словно в день возвращения из другого рейда, где Хайнц обрёл свою одиозную кличку — и не подозревал тогда о его, Рептила, присутствии:

*Über allen Gipfeln ist Ruh;
In allen Wipfeln spürest du
kaum einen Hauch;
Die Vögelin schweigen im Walde...
Warte nur: balde
ruhest du auch.*

(«Подожди: скоро ты тоже отдохнёшь...»)

Враньё это, что лучшие солдаты уходят последними. Враньё.

СЛОВАРЬ СПЕЦИАЛЬНЫХ СЛОВ

Замок — заместитель.

Комбез — комбинезон.

«*Лягушка*» — противопехотная прыгающая осколочная мина кругового поражения (ОЗМ-72).

ПБС — прибор бесшумной стрельбы.

Польская «беспека» — орган госбезопасности Польши.

РДГ — разведывательно-диверсионная группа.

Тангент (-а) — клавиша «приём-передача» на радиостанции.

«*Уоки-токи*» — портативная радиостанция («Walkie Talkie»).